

Миррин, вздрогнув, проснулась.

Моментально раскрыв глаза и будучи настороже, она покрутила головой вокруг и её глаза сразу же были поражены простотой белой комнаты, в которой она лежала. Она лежала на чистой постели в маленькой белой комнате. На потолке светящийся кристалл обеспечивал освещение, заполняя пространство белым светом. Лишь от вида этого света у Миррин на глаза наворачивались слёзы. Она боялась, что умрёт, окружённая голубым свечением подземелья, проникающим в её тело и медленно её убивающим.

Она мало что могла вспомнить из своего прибытия на базу Легиона в Подземелье. Они долго спускались по винтовой лестнице, которую командир называл лестницей Перикла. Это путешествие доводило кадетов до предела. Потребовались долгие дни бесконечного пути, чтобы достигнуть дна, постепенно спускаясь в глубины, и чем ниже они опускались, тем хуже становилось.

Никто из кадетов не был так глубоко и так долго в Подземелье. Без надлежащей акклиматизации нижняя часть первого слоя как правило была первым местом, где нужно было беспокоиться о болезни насыщения, или, как её прозывали в народе, 'голубке'.

Во время этой волны, которая, казалось, не хотела заканчиваться, мана поднялась до невероятных границ, первый слой в данный момент ощущается, как и второй, кадеты попросту не способны его выдерживать. Каждого из них сразила голубка, буквально придавая им светлоголубой оттенок, пока изначальная мана Подземелья начинала проникать в их тела. Болезнь насыщения маной была коварной убийцей с действительно отвратительной смертью. Исследователи, наёмники и каждое существо, входившее в Подземелье, жили в страхе перед ней, их тела буквально разрывались на части, клетка за клеткой, пока бурная энергия буянила в их телах.

Кадеты вкусили своей доли, пока шли по бесконечной лестнице. Они начали спотыкаться, их ноги более не реагировали так, как должны были. Чем дальше они шли, тем больше появлялось симптомов. Их зрение медленно закрывала голубая дымка, из-за которой было трудно видеть, их руки начинали трястись, а вслед за ними и всё тело. Молодые, сильные кадеты начали испытывать страх, который обычно присущ пожилым людям, страх, что их собственное тело предаст их и выйдет из под их контроля.

И пусть так, никто из них не чувствовал боли, лишь бурную, неиссякаемую энергию. Голубка не заставляла людей чувствовать усталость, скорее мана наполняла их тело и мозг, заставляя чувствовать онемение и давая дрожь, будто они пили по пять кружек кофе в час. Они не могли спать, не могли отдыхать, не могли ясно думать, они были измотаны больше, чем когда-либо в своей жизни и совершенно неспособны отдохнуть.

С подбадриванием и поддержкой их товарищей Легионеров и офицеров, они едва справились, единственными другими членами идущей группы, которые мучились так же, как они, были заключённые, которых Легион таинственным образом привёл с собой в эту экспедицию.

Будучи менее способными, чем кадеты, многих из них к самому окончанию пути несли, солдаты сменялись, чтобы тащить убийц на своих спинах, пока шли вперёд.

Последнее, что могла вспомнить Миррин, это приход к большой каменной двери. Она к тому моменту едва могла видеть, сама дверь была ничем иным, как пятном. Командир вышел вперёд и сделал... нечто, после чего дверь раскрылась, а из неё выбежали мутные фигуры, поспешившие забирать больных членов группы и заносить их внутрь. Она упала в руки

человека, подбежавшего к ней и затем очнулась здесь.

Осмотревшись по комнате ещё немного, она заметила странное нагромождение сбоку от кровати. В её руку была вставлена трубка, окружённая светящимися чарами, которые были нарисованы прямиком на её коже. Нервно проследив за трубкой глазами, она увидела, что та была присоединена к другому зачарованию на ближайшем столе. В центре стола находились четыре мягко светящихся ядра.

Миррин озадаченно уставилась в странное образование, затем закрыла глаза и попыталась почувствовать, различалось ли что-либо, после чего заметила, что болезнь насыщения значительно отступила. Сильно сосредоточившись, она смогла ощутить поток маны в её теле, медленно просачивающийся в её руку, прежде чем быть высосанным наружу в трубки и скормленным ядрам на столе.

Она была поражена, она никогда не слышала прежде о подобном лечении. Такие тонкие манипуляции с маной в теле другого человека с помощью чар... Как они это сделали?

"Я ничего не слышал, Альбертон, но как только услышу, ты будешь первым, кому я дам об этом знать!" проник через дверь голос командира.

Вскоре можно было услышать звук тяжёлых шагов, пока Хранитель Знаний и командир продолжали спорить друг с другом.

"Я просто не могу понять, почему мы не можем приложить больше усилий, чтобы помешать Гарралаш достичь поверхности. Ты знаешь, что там случится. Это моя семья, чёрт побери!"

Прозвучал тяжёлый стук, будто в стену ударил кулак.

"Ты думаешь, что ты единственный с семьёй наверху, Альбертон? Думаешь, я не хочу оторвать голову крокодилу и защитить наших людей? Так ты думаешь?" тихо потребовал ответа командир.

Была долгая пауза и Миррин уже начала гадать, что происходит, прежде чем она едва расслышала вздох и ответ Хранителя Знаний.

"Я просто переживаю."

"Как и мы все, однако у нас есть долг прибыть сюда в штаб-квартиру и поддержать оборону. Какой бы не могла нанести вред Гарралаш, ты хочешь, чтобы монстры второго слоя поднялись до поверхности? Ты вообще знаешь, что это значит? Эта волна не обычная, Альбертон, и тебе стоит прекратить притворяться, что это не так. Весь мир может запылать в огне, если мы не будем осторожны."

Ещё один вздох и тихое "Я знаю", прежде чем дверь внезапно не открылась и два высших офицера Лирийской ветви Глубинного Легиона не вошли в комнату.

"Ах, приятно видеть, что ты наконец очнулась, кадет," кивнул Титус.

Миррин кивнула в ответ, но чувствовала некоторую растерянность, это приветствие не ощущалось как нечто позитивное, как должно было. Нечто в голосе и позе её командира было не так, даже Альбертон выглядел немного подавленным, почти не встречаясь с ней глазами.

"Это штаб-квартира?" спросила она.

"Да," подтвердил Титус, "ты в медицинском крыле. Насыщение маной было гораздо выше, чем ожидалось в данном походе, нам пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы понизить уровни маны в твоём теле. Все кадеты получили это лечение, ты последняя, кто очнулась."

Голова Миррин на мгновение закружилась. Так они все были в этом месте? И где они сейчас?

Альбертон смог увидеть вопрос в её выражении лица. "Остальные ждут тебя. Нам нужно выдвигаться как можно скорее," сказал он.

"Идти можешь, кадет?" спросил Титус.

Миррин проверила свои ноги. "Думаю, да, сэр."

Она перекатилась на кровати и, покачиваясь, встала на ноги. Она по-прежнему была слаба из-за голубки. Титус не стал дожидаться её просьбы и шагнул вперёд, чтобы поддержать, и пока он это делал, осторожно вынул трубку из её руки.

Оба офицера в тишине вышли вместе с ней из комнаты и прошли по длинному коридору. Место было странно пустым и тихим, Мирин не видела и не слышала других людей, пока они шли. И пришли они к тяжёлой деревянной двери с резным зачарованным замком. Титус взмахнул своей ладонью перед сложным приспособлением и то моментально засветился ярким светом, прежде чем дверь не распахнулась, чтобы показать извилистую лестницу, выбитую в камне.

Только не снова, подумала Миррин.

Ничего не говоря, они втроём спустились. Титус крепко держал её за плечо, чтобы помочь ей нацеливаться на ступеньки, не падая. На самом дне лестницы была маленькая комната с другой дверью в ней и там собрались все кадеты.

Миррин почувствовала облегчение, когда наконец увидела остальных. И это чувство быстро испарилось, когда она поняла, что даже воздух в комнате был напряжённым, а кадеты нервничали, пока офицеры торжествовали.

С кадетами, плотно собравшимся в маленьком пространстве, Титус встал на нижних ступенях, расположившись выше слушателей, чтобы они могли видеть его, после чего начал говорить.

"Поздравляю, кадеты. Вы успешно преодолели опасности и трудности этого похода и добрались сюда в штаб-квартиру Лирийской ветви Глубинного Легиона. Я горжусь вами."

И он действительно был горд. Осматривая снизу этих молодых Легионеров, его заполняла гордость. Они были хорошими, сильными людьми. Они приносили жертвы, боролись, выдержали поручения Легиона и доказали свою силу. Они давали ему надежду на будущее.

Сами кадеты позволили себе небольшую улыбку на редкие слова похвалы от командира, однако серьёзное выражение его лица быстро испортило настроение.

"Вы представляете собой половину кадетов, принятых в этом году. Остальные были отсеяны. Не достаточно преданные. Не достаточно верные. Не достаточно жертвующие. Только те, кому мы можем доверить хранить секреты Легиона и исполнять свой долг, смогли зайти так далеко. Вы заслужили право стать полноценными Легионерами."

Возбуждение, улыбки и радость появились на лицах кадетов. Это было то, на что они надеялись с момента своего поступления в ряды. Они усердно трудились ради этого.

Титус видел взгляды на их лицах и принял их с кивком, пусть даже его сердце и упало в пятки. Это всегда было самой сложной частью.....

Группа VK (информация о переводах, обратная связь и прочее): <https://vk.com/yrgpotria>

<http://tl.rulate.ru/book/26490/770353>